

Сюй Тай заплакал навзрыд — слёзы были самыми что ни на есть искренними, слезами восторга.

Он так долго ждал, так страстно мечтал и наконец дождался идеального вместилища.

Когда Лун Фэйань сообщил, что может лишь удерживать душу жены в её постепенно разлагающемся теле, Сюй Тай готов был умереть от горя. Со слезами он умолял Лун Фэйаня: если найдётся способ воскресить супругу, он отдаст половину состояния семьи Сюй. Вторую половину оставит ей — пусть тратит, сколько пожелает, в возмещение всех перенесённых страданий.

Он погрузился в паутину любви, которую сплёл себе сам, живя в опьяняющих грёзах и мучительной тоске.

А месяц назад Лун Фэйань, до того непреклонный, внезапно объявил: шанс появился.

Маленький монах из Храма Цзюэми — вот тело, о котором Сюй Тай грезил. Это вместилище, благословлённое Небесами при перерождении, от природы обладает необычным духовным корнем, способным принять любую душу. Если заполучить его, женщину непременно удастся вернуть к жизни.

Сюй Тай, охваченный нетерпением, спросил:

— Но как он согласится?

Лун Фэйань ответил:

— В прошлом в Юньяне, в павильоне Цичунь, случился пожар, погубивший многих беременных. Теперь они стали яо и бродят повсюду. Я сумею призвать их. Они и станут твоим орудием.

Получив эти сведения, Сюй Тай даже не спросил, откуда они взялись. Едва появилась Призрачная колесница, он, не мешкая, схватил пачку банкнот на десять тысяч лянов и отправился в Храм Цзюэми.

Сюй Тай вытащил нож из тела Цзи Саньмэя. Лицо его сияло неподдельной радостью. С окровавленным клинком он ворвался за ширму, где восседал Лун Фэйань, и замахал руками, а жирные щёки исказили его черты до неузнаваемости.

— Получилось! — Он протянул нож Лун Фэйаню. — Я убил его! Быстрее, скорее! Верни её, всели её душу в тело Цзи Саньмэя! Я хочу её видеть!

Лун Фэйань принял нож. Его прекрасно очерченные губы растянулись в улыбке. Взмах — и белая вспышка лезвия рассекла глотку Сюй Тая, высвободив алую кровь.

Брызги разлетелись живописно, словно осенние лепестки.

На лице Сюй Тая застыла радость, оттого и смерть выглядела счастливой.

Лун Фэйань вытер клинок о рукав и прилепил ко лбу Сюй Тая жёлтый талисман с замысловатым узором:

— Ступай к ней. Цзи Саньмэй — мой.

Он дрожал от возбуждения.

Всё собрано. Столько лет прошло — и наконец всё сошлось.

Семь ядер яо, добытых с величайшим трудом.

Душа одержимого — как раз подходящая, от Сюй Тая.

Да ещё дитя: жена, слёгшая после смерти старшей дочери, успела перед кончиной произвести на свет подходящий сосуд.

Человеческое жертвоприношение, да ещё усиленное необычным духовным корнем, — насколько же возрастёт его сила?

Тот человек уверял: неизмеримо, настолько, что можно будет повелевать всем континентом Юньян.

Но Лун Фэйань не считал себя жадиной. Ему бы всего лишь высочайшего почёта в Ичжоу. Он ненавидел тех, кто осмеливался оспаривать его место.

Восемь лет назад Цзи Саньмэй совершил эту ошибку, и Лун Фэйань сделал всё, чтобы убить его, но лишь изгнал.

...Как же выглядит необычный духовный корень?

Насколько совершенно тело, «благословлённое Небесами»?

Сердце переполняясь ликованием, Лун Фэйань откинул занавеску и вышел, сжимая талисман для удержания души. Надо успеть, пока тело Цзи Саньмэя не остыло, запечатать душу и затем не спеша изучить.

Но на полу лежал не тот, кого он жаждал, а всего лишь одинокий старик, изо рта которого сочилась кровь с клочьями внутренностей — зрелище тошнотворное.

Лун Фэйань решил, что Цзи Саньмэй придавлен снизу, ринулся вперёд и перевернул постепенно холодеющий труп.

...Под ним никого не оказалось.

Лун Фэйань впал в ярость. Схватив с пояса персиковый деревянный меч, он выскочил за дверь, озираясь по сторонам, но не увидел ни души. Кадык его бешено заходил под кожей, и он издал нечеловеческий, полный лютой ненависти рёв.

В беседке на реке Ишуй Чанъань насторожил слух.

Слух у заклинателей всегда острый, а Чанъань, будучи деревом, воспринимал звуки особенно чутко. Напротив него Лун Юнь терпеливо возилась с пучком травы, пытаясь сплести венок, — чистая невинность, ни о чём не подозревающая.

Чанъань обернулся к Цзи Саньмэю, сидевшему позади с закрытыми глазами:

— Младший брат, ты ничего не слышал?

Цзи Саньмэй, не выпуская из зубов золотой нефритовой курительной трубки, медленно

приоткрыл веки. Губы его изогнулись в том самом пленительном изгибе:

— Что? Ничего.

Перед детьми Цзи Саньмэй действительно становился мягок, но когда дело касалось собственной жизни, он рассчитывал всё тщательнее прижимистого купца.

Цзи Саньмэй ничего особенного и не сделал. Если разобраться, лишь несколько слов произнёс.

Первое — когда к нему явился старый управляющий Чжу, чтобы проводить в дом Сюй:

— Пойдёмте.

Произнося это, он задействовал духовную силу, и старик Чжу уверовал, что взял Цзи Саньмэя с собой, и отправился обратно.

Когда «Цзи Саньмэй» удалился, Чанъань ничего не заметил: ему виделось, будто старик Чжу вернулся в дом Сюй в одиночестве.

Второе — сказал тому, «Цзи Саньмэю», что пребывал в иллюзии:

— Дедушка Чжу, а вы на меня похожи.

Жизнь была для Цзи Саньмэя самым ценным достоянием, и он бережно её припасал, пуская в ход лишь в крайней нужде.

В прошлой жизни его главной ставкой стало сокрытие имени и уход в Лунган. Он поставил на кон свою жизнь, дабы обеспечить Лючэню и себе процветающее будущее в городе Чжуинь — и тем заслужил право стоять плечом к плечу с Шэнь Фаши, выходцем из знатного рода.

На его взгляд, оба этих козыря были равно важны, а вместе и вовсе позволяли забыть и о достоинстве, и о жизни.

Гибкий сухой табак, коснувшись огня, испустил жаждающий вздох. На конце трубки вспыхнула алая искорка; вдыхая дымок, Цзи Саньмэй предавался изящному занятию. Все ностальгические думы он швырнул в пламя, сжёг дотла, а подняв глаза, вновь явил тот самый соблазнительный и дерзкий облик.

По-кошачьи лениво зевнув, он поднялся на длинных ногах и вышел из беседки.

Чанъань тут же покинул свою «скреплённую узами» подружку и увязался следом:

— Младший брат, куда ты?

Цзи Саньмэй:

— Подышать.

Чанъань пристроился сзади, словно хвостик:

— Я тоже.

Цзи Саньмэй оглянулся на оставшуюся сидеть Лун Юнь — та надула щёки от обиды, — и рассмеялся:

— Заключение с девочкой союз — будь добр, отвечай. Сбежать — это как? Я далеко не уйду, просто сорву лотос у воды.

Чанъань тут же послушно уселся на прежнее место, устремив взгляд на фигуру Цзи Саньмэя у реки Ишуй. В ясных, как день и ночь, зрачках его плескалась чистая радость.

Детские забавы всерьёз не считаются, и Лун Юнь вскоре забыла о только что заключённом «брачном союзе». Приняв важный вид, она какое-то время разглядывала Чанъаня, а затем изрекла со взрослой рассудительностью:

— По-моему, ты её любишь.

Чанъань с недоумением повернулся:

— А что такое «любить»?

Вопрос оказался для девочки сложноват. Она, подперев щёку, долго думала, пока не озарилась:

— Ну, как я папу люблю.

Чанъань покачал головой — всё равно не понял.

Чанъань унаследовал черты Цзи Саньмэя, обличьем походя на призрачного лиса, лицом будто создан для хитроумных замыслов. Однако душа, обитавшая внутри, превратила эту хитрую физиономию в невинного, жалкого ягнёнка. Глаза его распахнулись шире, кристально чистые, будто вмещающие все реки мира; в замешательстве он приоткрыл губы, отчего выглядел ещё притягательнее:

— У меня нет папы. Только учитель.

Материнское чувство присуще девочкам с рождения, вне зависимости от возраста. Лун Юнь, растроганная его видом, заморгала влажными глазками и мягко спросила:

— А учителя своего ты любишь?

Чанъань, прислушавшись к своим корням, осторожно ответил:

— Люблю. Но к младшему брату — другое.

— Чем же?

— Когда я вижу младшего брата, очень хочется есть. — Чанъань облизнул губы и добавил:

— Съесть его.

Лун Юнь остолбенела.